

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

УДК 327.54

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22

История холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений

Виктория А. Аванская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktysa@mail.ru*

Аннотация. В последние 20 лет началось систематическое изучение эмоций в различных областях знаний, в том числе в международных отношениях. Это привело к развитию новой методологии изучения эмоций, а также к росту количества работ, в которых эта методология используется.

В статье намечаются перспективы применения методологии изучения эмоций в международных отношениях на примере гонки ядерных вооружений. Она была важным фактором холодной войны и провоцировала разнообразные эмоции у всех ее участников: страх, тревогу, гнев, надежду. Избранная методология позволяет уточнить и углубить знания о происходивших в тот период политических и социальных процессах, таких как формирование идентичности, восприятие друг друга, ведение публичной политики и принятие политических решений.

Ключевые слова: холодная война, гонка ядерных вооружений, социальные эмоции, групповые эмоции, международные отношения

Для цитирования: Аванская В.А. История холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4. С. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22

The history of the Cold War as a history of emotions: A nuclear arms race case

Victoria A. Avanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
viktysa@mail.ru*

Abstract. In the past 20 years, a systematic study of emotions has begun in various fields of knowledge, including international relations. This led to the development of a new methodology for studying emotions, as well as to an increase in the number of works in which this methodology is being used.

The article outlines the prospects of applying the methodology for the study of emotions in international relations on the example of a nuclear arms race. It was an important factor in the Cold War and provoked a variety of emotions among all its participants: fear, anxiety, anger, hope. The chosen methodology allows us to clarify and deepen knowledge about political and social processes that took place at that time, such as the formation of identity, the perception of each other, the conduct of public politics and political decision-making.

Keywords: cold war, nuclear arms race, social emotions, group emotions, international relations

For citation: Avanskaya, V.A. (2019), "The history of the Cold War as a history of emotions: A nuclear arms race case". *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 10-22. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-4-10-22

История холодной войны активно и всесторонне изучается в нашей стране и за ее пределами. Исследования различных авторов, опубликованные и архивные источники позволяют обратить внимание на присущие тому времени напряженность, страх, гнев, надежду. Это неудивительно, ведь военно-политическое противостояние двух блоков в той или иной степени затрагивало весь мир, а гонка вооружений достигла беспрецедентного масштаба.

Самым опасным и пугающим аспектом этой гонки стало стремление ее участников к наращиванию ядерного потенциала. Его применение в одном из конфликтов могло привести к началу ядерной войны, последствия которой отразились бы на всем мире. Взаимные угрозы использования ядерного оружия стали частью дипломатических отношений и были как продуктом холодной войны, так и фактором высокого напряжения тех лет [Holloway 2010, p. 396].

Эмоции, порожденные гонкой ядерных вооружений, достойны того, чтобы стать объектом изучения как отдельный фактор холодной войны. Это поможет не только расширить наши представления о ее истории, но и глубже исследовать сами эмоции.

В последние годы в западной историографии появилось немало работ, посвященных проблемам ядерных испытаний и гонки ядерных вооружений [Weart 2012, Spencer 2014, Burns, Siracusa 2013, Leffler, Westad 2010]. В них исследуется влияние общественного мнения, антиядерных движений и движений за мир на государственную политику в ядерной сфере, а также уделяется особое внимание атомному веку как социально-культурному феномену с присущим ему страхом перед ядерной войной и ее последствиями.

Одной из важных тенденций последнего времени является использование в научных исследованиях методологии изучения эмоций. За последние 15 лет эмоции стали воспринимать как важную, а подчас и ключевую силу в мировой политике [Hutchison 2014]. У эмоций есть способность объединять и разобщать как общество в целом, так и отдельные социальные группы, формировать идентичность и поведение, в том числе политическое. Их изучение открывает возможности для понимания причин возникновения антиядерных движений с учетом страхов и надежд людей, живущих в атомном веке, для постижения механизмов формирования идентичностей в ядерный век и роли эмоций в публичной политике.

Так, Джонатан Мерсер в одной из своих работ [Mercer 2013], рассматривая Корейскую войну 1950–1953 гг., обращает внимание на два свойства эмоций: они могут влиять на интерпретацию свидетельств и выступать в качестве самостоятельного доказательства. Как подчеркивает Мерсер, Трумэн «знал», что Сталин считает его нерешительным, Ачесон¹ «знал», что американские союзники паниковали, американские лидеры «знали», что должны продвинуться за 38-ю параллель для разрушения репутации нерешительности. Их чувства сами оказывались достаточно сильным доказательством правдивости этих суждений, так что они не попытались подвергнуть их сомнению [Mercer 2013, pp. 246–247].

При изучении союзнических отношений США и Великобритании Люсиль Эзнак в качестве одного из примеров рассматривает Суэцкий кризис 1956–1957 гг., во время которого возник также кризис между этими англосаксонскими странами [Eznack 2011].

¹ Дин Ачесон – Государственный секретарь США в период с 21 января 1949 г. по 20 января 1953 г.

Эзнак обращает внимание на фактор аффекта² в отношениях политических союзников. Наличие аффективной привязанности и особенности их отношений объясняют происходящие между ними конфликты, а их эмоциональная природа демонстрирует то, что они воспринимают эти отношения как ценные. Несмотря на то что союз Соединенных Штатов и Великобритании был очень важен в период холодной войны, они не соблюдали осторожность и позволили разразиться кризису. Если бы угроза разрыва не вызвала сильную эмоциональную реакцию, это могло служить симптомом ослабления их связей.

По мнению Эзнак, изучаемый ею аффект в отношениях союзников не был единственной причиной их разногласий и последующего восстановления отношений, но, взяв его в расчет, можно лучше понять поведение обеих стран во время Суэцкого кризиса. Таким образом, Эзнак, как и многие другие исследователи, считает, что изучение эмоций в международных отношениях способно обогатить знания в этой области и улучшить понимание многих связанных с ними процессов. Также и изучение холодной войны и, в частности, ядерной гонки может стать более глубоким с помощью привнесения методологии изучения эмоций. В следующей части статьи будут приведены примеры подобной методологии.

Изучение истории эмоций как особого проблемного поля стало активно развиваться на рубеже XX и XXI вв. [Воробьева 2015] благодаря усилиям социальных конструктивистов. В рамках этого направления эмоции позиционировались как сконструированные социальные отношения, которые можно исследовать с помощью средств их выражения [Аванская 2018, с. 45], причем речь шла не только об индивидуальных, но и о групповых эмоциях.

Для начала необходимо объяснить разницу между чувствами и эмоциями, а затем вписать последние в изучение международных отношений. Для нейробиолога Антонио Дамасио чувства – это физиологическое воплощение эмоциональных изменений, такое, как учащенное сердцебиение, сопровождающее страх [Damasio 2000]. Чувства возникают автоматически и почти бессознательно, в отличие от эмоции страха, которая появляется после того, как мы осознаем произошедшие с нами физические изменения. Джонатан Мерсер отталкивается от определений Дамасио, но на-

² Аффект в данном случае является феноменом, лежащим за пределами сознания. Он представляет собой совокупность бессознательных ощущений, которые не подлежат репрезентации на сознательном уровне, иначе они превратились бы в эмоции.

зывает эмоции субъективным опытом размытых физиологических изменений, а чувства – осознанной осведомленностью о том, что ты испытываешь эмоции [Mercer 2014]. Из-за условности границы между чувствами и эмоциями Мерсер считает необходимым ввести еще одно понятие – «социальные эмоции».

В широком смысле все эмоции можно назвать социальными, так как культура неизбежно влияет на то, как мы понимаем и выражаем эмоции. В более узком смысле социальными Мерсер называет те эмоции, которые имеют связь с важным для актора внешним объектом.

Индивидуальные и групповые эмоции в понимании Мерсера могут ощущаться одинаково, но основа у них разная. Он разделяет эти два вида эмоций с помощью идентичности, которая возникает благодаря чувству принадлежности: беспокойство за свой статус затрагивает личную идентичность, а беспокойство за статус своей страны – групповую идентичность. Групповая идентичность, в свою очередь, формируется благодаря общей культуре, заинтересованности друг в друге, заразительности эмоций, а также событиям, которые способны оказать влияние на группу, вызывая у нее общую реакцию.

Для Мерсера важно показать независимость социальных эмоций от тела и, следовательно, невозможность свести эмоции только к нему. Вместо тела в возникновении эмоций большую роль играет идентичность, благодаря которой групповые эмоции могут отличаться от индивидуального эмоционального опыта и быть сильнее его. Члены группы разделяют, подтверждают и контролируют эмоции друг друга, а эти чувства, в свою очередь, структурируют отношения внутри и между группами [Mercer 2014].

По мнению других ученых, эмоции всегда ощущаются только индивидами, но индивидуальные эмоции могут охватить группу двумя способами: группа становится частью индивида, который начинает реагировать не как отдельная личность, а как член группы; или отдельные члены группы начинают испытывать одни и те же эмоции по отношению к какому-либо событию или объекту, из-за чего можно говорить о появлении групповой эмоции [Sasley 2011, Von Scheve, Ismer 2013].

В контексте изучения холодной войны и ядерной гонки такой подход ставит ряд интересных проблем. Американец, отталкиваясь от восприятия советского враждебного «другого», видит себя частью Соединенных Штатов, которым угрожает государство, наращивающее свой военный потенциал. За счет идеологического и военно-политического факторов эта идентичность расширяется до

всего «свободного мира» – группы либерально-демократических государств, которым угрожает другая группа государств.

Но способен ли страх перед ядерной войной породить новую сильную идентичность – ощущение принадлежности ко всему человеческому роду, которому грозит гибель? Эта идентичность может не знать военно-политических блоков. Известным примером служит фильм «На берегу», который обращается ко всему человечеству: «Есть еще время, братья!» Можно ли сказать, что основой этой коллективной идентичности становятся именно групповые эмоции, и прежде всего страх перед ядерной войной? Этот вопрос требует тщательного изучения.

Существует и иное мнение о сути эмоций в международных отношениях. Тодд Холл и Эндрю Росс хоть и допускают возможность разделяемого аффективного (эмоционального) опыта, в целом скептически относятся к желанию приписать отдельные эмоции сообществам и вообще группам. По мнению авторов, популярные эмоции (групповые) являются продуктом дискурсов, которые конструируют единую эмоцию из множества и навязывают ей политические или идеологические суждения.

Для определения того, что из себя представляют популярные эмоции, Холл и Росс используют еще одно понятие – аффективный опыт. Аффективный опыт – это нечто, что охватывает различные телесные состояния и реакции, он не может быть однородным, он всегда многогранен и изменчив. Эмоции же являются лингвистическими конструктами, используемыми для упрощения реальности и сведения ее к узнаваемым состояниям и реакциям. Таким образом, существует небольшая вероятность того, что аффективное состояние, являясь сложным и изменчивым набором телесных состояний, может распространиться на целую группу индивидов [Hall, Ross 2019]. В свою очередь, групповые (или популярные) эмоции представляют собой возможность предъявить претензии на ценности и желания коллектива. Конструирование популярных эмоций помогает выбирать среди аффективных опытов нужные таким образом, чтобы они помогали в продвижении идей о том, кто должен выражать эмоции, какие эмоции, когда и почему [Hall, Ross 2019, p. 15].

В рамках обозначенного подхода представляется интересным изучение использования в речах политиков и прессе эмоций и реакции на них общества. Задействуются ли в этих источниках определенные эмоции, которые выгодны с идеологической и политической точки зрения? Вызывает ли это обратную или просто неожиданную реакцию хотя бы у части граждан? К примеру, в случае

использования гнева и страха перед угрозой Советского Союза и ядерной войны для мобилизации общества.

Работа Холла и Росса не единственный случай использования термина «аффект» или «аффективный опыт» в международных отношениях. Их также употребляют Сасли, [Sasley 2011], Эзнак [Eznack 2011] и Холмс [Holmes 2018]. У них отличие аффекта от эмоций состоит в том, что эмоции часто являются осознанными ощущениями, которым присуще социальное значение и политические последствия, а аффект существует до и за пределами сознания, он является широким спектром телесных ощущений, таких как настроение, интуиция, привязанность [Hutchison, Bleiker 2014, p. 502].

Еще одним термином, недавно введенным в область изучения эмоций в международных отношениях, стала эмоциональная культура. Это комплекс стандартизированных эмоциональных определений, норм и убеждений, которые помогают в культурном конструировании структуры власти, общества и идентичности. Эмоциональная культура позволяет «правильно» интерпретировать эмоциональные репрезентации среди членов отдельных групп, вводя, таким образом, социокультурные стандарты в эмоциональную жизнь членов группы.

Эмоциональная культура состоит из кодов – стандартов эмоционального поведения – и культурных сценариев – устных и визуальных репрезентаций эмоциональных кодов. Коды устанавливают правила эмоционального выражения, тем самым закрепляя воспроизведение коллективной идентичности и структуру распределения власти в группе. Таким образом, эмоциональные коды предоставляют возможность изучения культурной структуры, которая связывает индивидов с социальным миром. Эмоциональная культура с характерными для нее кодами может стать объектом самостоятельного изучения, когда речь идет об отличающихся культурах, таких как советская и американская, или об одной культуре в динамике [Koschut 2016].

Изучение эмоций может происходить через исследование их репрезентаций и того, как эти репрезентации передаются. Репрезентации, или презентационные практики – это механизм, с помощью которого индивидуальные эмоции превращаются в коллективные, после чего получают возможность влиять на социальные и политические процессы [Hutchison, Bleiker 2017]. Репрезентационные практики как индивидов, так и медиа имеют смысл и приобретают значение только внутри общества, в котором они были сконструированы. Сами репрезентации принимают форму речей, текста,

фотографий, фильмов, жестов, а изучать их можно с помощью дискурс-анализа и контент-анализа, а также семиотики [Hutchison 2010].

В работе с репрезентациями всегда присутствует элемент интерпретации, презентовать эмоции полностью достоверно невозможно, но можно уловить эмоциональные ответы на них. Фокусируясь на восприятии как на аналоге лично пережитого опыта, можно попытаться понять, как эмоции преодолевают ограничения тела и переходят в область публичного и политического измерения [Hutchison 2014].

В этом смысле представляет интерес изучение эмоций протеста, которое позволит обогатить и расширить наше понимание протестных движений, участники которых стремились добиться ограничения или прекращения ядерных испытаний, а также степень их влияния на процесс принятия политических решений.

Проведенные исследования продемонстрировали, что позитивное настроение заставляет людей быть более эффективными, оптимистически настроенными и демонстрировать интуитивное понимание. Негативное настроение, напротив, обуславливает более серьезное восприятие рисков, связано с пессимизмом и логическим рассуждением. Таким образом, эмоциональное состояние общества может запускать разное восприятие рисков, познавательные стили и эмоции. Это предполагает, что настроение общества может влиять на требования общественных движений, постановку проблем, испытываемые эмоции, причины участия в социальных движениях [Van Troost, Van Stekelenburg, Klandermans 2013].

Эмоции пропитывают протест на всех его стадиях: присоединение к протесту, постоянное участие, решение покинуть протестное движение. Можно исследовать мотивационную силу эмоций на разных этапах «карьеры» активиста. Люди проходят путь от равнодушия к сочувствию, от сочувствия к членству в движении, от пассивного к активному участию, от принадлежности к движению до ухода из него. Можно предположить, что в ходе протестных движений разные эмоции приводят к переходу от одной стадии к другой, и рассмотреть этот процесс в динамике [Van Troost, Van Stekelenburg, Klandermans 2013, p. 13].

Помимо этого, существуют исследования речей политических лидеров и лидеров протестных групп [Van Stekelenburg 2017, Matsumoto, Frank, Hwang 2015, Erisen, Villalobos 2016], в которых изучается использование эмоций, способных вызвать ответные групповые эмоции или подтолкнуть членов группы к насилию, а также, наоборот, сдерживать их от его проявлений. Сильные лидеры

способны задать настроение группы или государства-группы для интерпретации или реинтерпретации каких-либо событий, что затем ведет к формированию групповых эмоций. Лидеры делают это посредством создания историй, основанных на оценке или переоценке ключевых для группы событий или ситуаций и трансляции эмоций, связанных у членов группы с этим событием. Трансляция происходит с помощью эмоционально заряженных слов, метафор, изображений, аналогий, мимики, голоса и жестов [Matsumoto, Frank, Hwang 2015].

Этот аспект изучения холодной войны и гонки вооружения также крайне важен. Он связан с поиском ответа на вопросы: какие эмоции хотят вызвать у слушающих лидеры, к каким эмоциям они вызывают?

Речи являются важной частью американской политической культуры. К примеру, внешнеполитические доктрины США эпохи холодной войны, такие как доктрины Трумэна или Эйзенхауэра, часто презентовались в эмоциональных речах президентов перед Конгрессом.

Выше мы говорили о том, что Мерсер выделяет два свойства эмоций: они, с одной стороны, помогают усваивать опыт, а с другой – могут служить доказательством, основанием для тех или иных действий. Анализ выступлений политиков с этой точки зрения также представляется интересным.

Например, как Суэцкий кризис был эмоционально осмыслен в речи Эйзенхауэра перед Конгрессом 15 января 1957 г. (принципы, изложенные в этой речи, получили название «доктрина Эйзенхауэра»)? Какие эмоции хотел мобилизовать президент? Использовал ли он групповые эмоции как доказательство, как основание для дальнейших действий? Или же насколько различается эмоциональное осмысление событий Карибского кризиса президентом Кеннеди в знаменитом телевизионном послании от 22 октября 1962 г. и его речи в Американском университете спустя 8 месяцев, в июне 1963 г.?

Эти речи хорошо известны и не раз становились предметом анализа. Однако представляется, что исследование использованных в них эмоций и их сравнение с эмоциями в прессе и разных группах социума может углубить наши представления об отношениях внутри общества эпохи ядерной гонки.

Изучение либеральных эмоций, т. е. сконструированных государствами, считающими себя носителями либеральных идей, также может способствовать лучшему пониманию противостояния военно-политических блоков в рассматриваемый период.

Либеральные демократии сближает не только схожая мораль, но и общие эмоциональные нормы, что, в свою очередь, способствует конструированию нелиберального «другого» и накоплению враждебного отношения и антипатии между сконструированными либеральными и нелиберальными государствами. Это приводит к отрицанию чуждых моральных норм, которое базируется не только на рациональном мышлении, но и на сконструированных эмоциях по отношению друг к другу [Koschut 2018].

В результате «другой» «обесчеловечивается», по отношению к нему легче испытывать сильные негативные эмоции. Однако такое видение противоречит гипотезе об «общечеловеческой идентичности», которая предполагает сближение с «другим» на фоне страха перед ядерной войной, последствия которой не пощадят никого. В данном случае можно было бы попытаться найти возможный переход от негативного восприятия нелиберального «другого» к общей идентичности, отталкивающейся от объединяющего страха перед ядерной войной.

Таким образом, мы видим, что исследователи международных отношений уже стали использовать холодную войну в качестве примера применения методологии изучения эмоций. Однако, как было показано выше, эти методы можно распространить и на исследования ядерной гонки, которая из-за своей специфики была наполнена эмоциями, охватывающими людей во всем мире.

Литература

- Аванская 2018 – Аванская В.А. Методология изучения эмоций в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3. С. 43–60.
- Воробьева 2015 – Воробьева О.В. «Индустрия эмоций»: институциональные и интеллектуальные ресурсы истории эмоций [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. № 9 (42). URL: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1> (дата обращения: 6 нояб. 2018).
- Burns, Siracusa 2014 – Burns R.D., Siracusa J.M. A global history of the nuclear arms race. Weapons, strategy and politics. Santa Barbara: ABC-CLIO. 640 p.
- Damasio 2000 – Damasio A. The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness. London: Vintage, 2000. 400 p.
- Erisen, Villalobos 2014 – Erisen C., Villalobos J. Exploring the invocation of emotion in presidential speeches // Contemporary Politics. 2014. No. 4. P. 469–488.
- Eznack 2011 – Eznack L. Crises as signals of strength: The significance of affect in close allies' relationships // Security Studies. 2011. No. 2. P. 238–265.

- Hall, Ross 2019 – *Hall T.H., Ross A.A.G.* Rethinking affective experience and popular emotion: World War I and the construction of group emotion in international relations [Электронный ресурс] // Political Psychology. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/pop.12608> (дата обращения: 2 авг. 2019).
- Holloway 2010 – *Holloway D.* Nuclear weapons and the escalation of the Cold War, 1945–1962 / Ed. by M. Leffler, O. Westad. The Cambridge History of the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 376–397.
- Holmes 2018 – *Holmes M.* Face-to-face diplomacy: Social neuroscience and international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 317 p.
- Hutchison 2010 – *Hutchison E.* Trauma and the politics of emotions: Constituting identity, security and community after the Bali bombing // International Relations. 2010. No. 2. P. 65–86.
- Hutchison, Bleiker 2014 – *Hutchison E., Bleiker R.* Theorizing emotions in world politics // International Theory. 2014. No. 3. P. 491–514.
- Hutchison, Bleiker 2017 – *Hutchison E., Bleiker R.* Emotions, discourse and power in world politics // International Studies Review. 2017. No. 19. P. 501–508.
- Koschut 2016 – *Koschut S.* The structure of feeling – emotion culture and national self-sacrifice in world politics. Millennium // Journal of International Studies. 2016. No. 2. P. 174–192.
- Koschut 2018 – *Koschut S.* The power of (emotion) words: On the importance of emotions for social constructivist discourse analysis in IR // Journal of International Relations and Development. 2018. No. 21. P. 495–522.
- Leffler, Westad 2010 – The Cambridge history of the Cold War / Ed. by M. Leffler, O. Westad. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. 552 p.
- Matsumoto, Frank, Hwang 2015 – *Matsumoto D., Frank M.G., Hwang H.C.* The role of intergroup emotions in political violence // Current Directions in Psychological Science. 2015. No. 5. P. 369–373.
- Mercer 2013 – *Mercer J.* Emotion and strategy in the Korean War // International Organization. 2013. No. 2. P. 221–252.
- Mercer 2014 – *Mercer J.* Feeling like a state: Social emotion and identity // International Theory. 2014. No. 3. P. 515–535.
- Sasley 2011 – *Sasley B.* Theorizing states' emotions // International Studies Review. 2011. No. 3. P. 452–476.
- Spencer 2014 – *Spencer B.* From atomic shelters to arms control: Libraries, civil defense, and American militarism during the Cold War // Information & Culture: A Journal of History. 2014. No. 49. P. 351–385.
- Van Stekelenburg 2017 – *Van Stekelenburg J.* Radicalization and violent emotions // PS: Political Science & Politics. 2017. No. 4. P. 936–939.
- Van Troost, Van Stekelenburg, Klandermans 2013 – *Van Troost D., Van Stekelenburg J., Klandermans B.* “Emotions of protest” // Emotions in politics: The affect dimension in political tension / Ed. by N. Demertzis. New York: Palgrave Macmillan Publishers, 2013. P. 186–203.

Von Scheve, Ismer 2013 – *Von Scheve Ch., Ismer S. Towards a theory of collective emotions* // *Emotion Review*. 2013. Vol. 5. No. 4. P. 406–413.

Weart 2012 – *Weart S. The rise of nuclear fear*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2012. 367 p.

References

- Avanskaya, V.A. (2018), “Methodology for studying emotions in international relations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 43–60.
- Burns, R.D. and Siracusa, J.M. (2013), *A global history of the nuclear arms race. Weapons, strategy and politics*, ABC-CLIO, Santa Barbara, USA.
- Damasio, A. (2000), *The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness*, Vintage, London, UK.
- Erisen, C. and Villalobos, J. (2014), “Exploring the invocation of emotion in presidential speeches”, *Contemporary Politics*, vol. 20, pp. 469–488.
- Eznack, L. (2011), “Crises as signals of strength: The significance of affect in close allies’ relationships”, *Security Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 238–265.
- Hall, H.T. and Ross, A.A.G. (2019), “Rethinking affective experience and popular emotion: World War I and the construction of group emotion in international relations”, *Political Psychology*, [Online], available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/pops.12608> (Accessed 2 Aug 2019).
- Holloway, D. (2010), “Nuclear weapons and the escalation of the Cold War, 1945–1962”, in: Leffler, M. and Westad, O. (eds.), *The Cambridge history of the Cold War*, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 376–397.
- Holmes, M. (2018), *Face-to-face diplomacy: Social neuroscience and international relations*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hutchison, E. (2010), “Trauma and the politics of emotions: Constituting identity, security and community after the Bali bombing”, *International Relations*, vol. 24, no. 2, pp. 65–86.
- Hutchison, E. and Bleiker, R. (2017), “Emotions, discourse and power in world politics”, *International Studies Review*, no. 19, p. 501–508.
- Hutchison, E., and Bleiker, R. (2014), “Theorizing emotions in world politics”, *International Theory*, vol. 6, no. 3, pp. 491–514.
- Koschut, S. (2016), “The structure of feeling – emotion culture and national self-sacrifice in world politics”, *Millennium – Journal of International Studies*, vol. 45, no. 2, pp. 174–192.
- Koschut, S. (2018), “The power of (emotion) words: On the importance of emotions for social constructivist discourse analysis in IR”, *Journal of International Relations and Development*, vol. 21, pp. 495–522.
- Leffler, M., and Westad, O. (eds.) (2010), *The Cambridge history of the Cold War*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

- Matsumoto, D., Frank, M.G. and Hwang, H.C. (2015), "The role of intergroup emotions in political violence", *Current Directions in Psychological Science*, vol. 24, no. 5, pp. 369–373.
- Mercer, J. (2013), "Emotion and strategy in the Korean War", *International Organization*, vol. 67, no. 2, pp. 221–252.
- Mercer, J. (2014), "Feeling like a state: Social emotion and identity", *International Theory*, vol. 6, no. 3, pp. 515–535.
- Sasley, B. (2011), "Theorizing states' emotions", *International Studies Review*, vol. 13, no. 3, pp. 452–476.
- Spencer, B. (2014), "From atomic shelters to arms control: Libraries, civil defense, and American militarism during the Cold War", *Information & Culture: A Journal of History*, vol. 49, pp. 351–385.
- Van Stekelenburg, J. (2017), "Radicalization and violent emotions", *PS: Political Science & Politics*, vol. 50, no. 4, pp. 936–939.
- Van Troost, D., Van Stekelenburg, J. and Klandermans, B. (2013), "Emotions of protest", in: Demertzis, N. (ed.), *Emotions in politics: The affect dimension in political tension*, Palgrave Macmillan Publishers, New York, NY, pp. 186–203.
- Von Scheve, Ch. and Ismer, S. (2013), "Towards a theory of collective emotions", *Emotion Review*, vol. 5, no. 4, pp. 406–413.
- Vorob'eva, O.V. (2015), " 'Emotion industry': Institutional and intellectual resources of the history of emotions ", [Online], *Electronic scientific and educational journal "History"*, vol. 6, no. 9, available at: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1> (Accessed 6 Nov 2018).
- Weart, S. (2012), *The rise of nuclear fear*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts; London, England.

Информация об авторе

Виктория А. Аванская, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; viktysa@mail.ru

Information about the author

Victoria A. Avanskaya, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; viktysa@mail.ru